

СТОЛКНОВЕНИЕ ОБНАЖЕННЫХ ИНСТИНКТОВ

независимая
газета
— 1998 —
— 10 июня —
— с. 7

«Сон в летнюю ночь» в театре «Барка»

Майя Коренева

ХОТЯ ШЕКСПИР и не был безумцем, он, несомненно, навел человечеству один из прекраснейших «золотых снов», оставив нам в дар «Сон в летнюю ночь».

Тема пьесы — любовь и ее превращения. И театр «Барка» приглашает зрителя окунуться в стихию любви.

Все игровое пространство представлено как мир природы, охваченный любовной жадью, мир естества, в котором, претворяя в действие библейский завет: «Плодитесь и размножайтесь», идет нескончаемый процесс зарождения новой жизни.

Постановщик спектакля, Янош Чаньи, призывает нас поверить, что тому же закону повинуются и люди, что их отношения — столкновения слепых обнаженных инстинктов, непредсказуемо переменчивых и неуловимых.

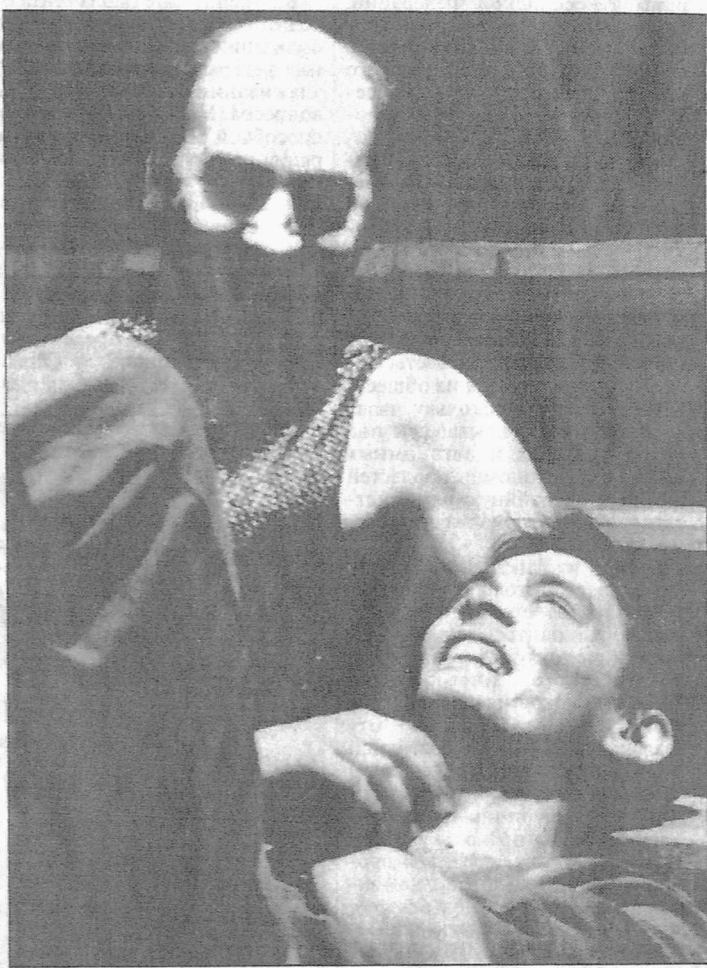
Каждый поворот сюжета, каждое сценическое положение осмыслены здесь как любовный акт. Блуждая в ночном лесу, куда юные влюбленные устремляются, чтобы развязать узлы своих любовных конфликтов, а ремесленники — репетировать к свадьбе герцога пьесу, они благодаря жестоким проделкам Пэка (Герге Касам) то и дело сталкиваются с феями и эльфами, ощущают легкие касания, пожатия, шекотания, царапины, поцелуи, шипки, и от этих незримых прикосновений у них перехватывает дыхание, теснится грудь, чаще бьется сердце.

Спектакль решен в стилистике грубого фарса, где комические ситуации создаются обилием риско-

ванных положений и обыгрыванием мотива «материально-телесного низа». Постановщик насыщает текст сегодняшними реалиями. Одна из них, увы, до боли знакома нам по собственному опыту — сокращение словарного запаса духовной «элиты», усохшего до джентльменского набора матерных выражений, изредка разбавляемых несущественными вставками. Подобная злободневность не сулит больших сценических открытий, но пародийное заострение образов, не лишенных самоиронии, вносит яркие комические краски.

Среди исполнителей выделяются Дороття Удварош (Титания, Ипполита), Янош Кулька (Оберон, Тезей) и особенно Емеше Вашвари. Ее героиня, Елена, — решительная и смелая девушка, в которой проглядывают черты современной девчонки, действующей без оглядки на правила и авторитеты. Вместе с тем в контурах этой вполне драматической роли проявляется незаурядное комическое дарование актрисы. Ее невозмутимый «воловий» взгляд, любовный монолог, выдержанный в канонах деловой речи, или отдающая кухонной сварой отповедь вчерашней подруге — выразительные находки, обогащающие комическую палитру спектакля.

Венчает представление неизменно беспримесная сцена ремесленников, идущая у Чаньи под аккомпанемент безудержного смеха. Смех — заслуженная награда исполнителям этой остроумной, хотя и несколько затянутой, пародии на заезженные театральные приемы, ухватки премьеров, амбиции будущих звезд. Безошибочным попаданием в типаж отмечены работы Петер Шерера в роли Ассистента, а также Стены и

Деревенские лицедеи в спектакле Яноша Чаньи.

Лунного света, который проводит их с мягким юмором, и Дьёзе Сабо в роли Основы, он же Пирам. Менее удачной кажется передача актерам, исполняющим роли ремесленников, ролей фей и эльфов. Накинутые поверх обычной одежды белые халаты (?) бессильны обратить дюжих ребят в бесплотные существа, так что сцены, в которых не участвуют афиняне, особенно сцены с Титанией, оказываются маловыразительными. В целом режиссер гораздо увереннее чувствует себя там, где ему удалось приблизить материал пьесы к сегодняшнему времени.

К числу удач Чаньи можно отнести решение сценического пространства. Соорудив для зрителей качели, он преобразил зрительный зал в лес, исполненный таинственных шорохов, движений. Во взаимоотношении этого зыбкого, подвижного, дышащего пространства с исполнителями спектакля — не меньше неожиданности и загадочности, чем таится для героев пьесы в афинском лесу. С первого мгновения оно берет зрителя в плен, приглашая к путешествию в тайну и заставляя закрыть глаза на погрешности и просчеты.